

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

Стенограмма

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В
РОССИИ: ПОЧЕМУ ОНА
РАЗОБЩАЕТ, А НЕ ОБЪЕДИНЯЕТ**

5 сентября 2017 | Москва

СПИКЕРЫ:

Николай Сванидзе, историк, телеведущий, член
Комитета гражданских инициатив

Геннадий Бордюгов, историк, руководитель
Международного совета Ассоциации
исследователей российского общества (АИРО-
XXI)

МОДЕРАТОР:

Андрей Колесников, руководитель программы
«Российская внутренняя политика и
политические институты» Московского Центра
Карнеги

Колесников. Повод сегодняшнего семинара, наверное, понятен. Это работа, которая подготовлена в рамках нашей программы «Внутренняя политика», об исторической политике. Отчасти это отголосок или продолжение доклада, который в прошлом году подготовило Вольное историческое общество по заказу Комитета гражданских инициатив, где тоже речь шла об исторической политике в большей степени как инструменте управления страной на самом деле и о противоречиях, которые существуют в этой исторической политике.

Оттуда же мной заимствован термин «две памяти»: память официальная и память неофициальная. Но это я сильно огрубляю, потому что здесь все сложнее, эти памяти взаимопроницаемы.

Мне представляется, что эта тема является одной из ключевых для анализа сегодняшней политической действительности, потому что историческая политика определяет внутреннюю политику, историческая политика определяет внешнюю политику и определяет даже экономическую политику в некотором смысле.

Вы помните, наверное, как в мае 2016 года у нас на экономическом совещании в Кремле Путин ответил Кудрину, который рассуждал о том, что нужно снизить геополитическую напряженность ради того, чтобы экономика развивалась. Путин ответил, что это, конечно же, очень важно и экономическое развитие чрезвычайно важно, но тысячелетняя история важнее.

Слова про тысячелетнюю историю прозвучали, между прочим, на встрече Путина с молодежью 1 сентября в Ярославле. Он снова заговорил о том, что тысячелетняя история России все определяет, она определяет сопротивляемость нашего народа чему-то там, она определяет наш суверенитет, внутри русского народа есть ядерный реактор, который позволяет ему все эти долгие века переживать должным образом. Сослался на термин «пассионарность» Льва Гумилева. Еще заключил, что если раньше ему подсовывали Ивана Ильина читать, теперь он читает Льва Гумилева про этногенез. В общем, всё это очень опасные на самом деле признаки, об этом тоже можно поговорить, но это немножко отдельная тема.

Доклад вам роздан, естественно, я могу коротко представить некоторые ключевые тезисы. Но начать я хотел бы несколько спонтанным образом с другого.

Я буквально вчера на столе у своего младшего сына, который в 11 классе, увидел выданные в школе учебники, среди них учебники по литературе и по всеобщей истории за 11 класс. Я видел этот учебник истории, мне причем показывала его финская журналистка, потому что она обсуждала со мной особенности освещения для школьников Зимней войны. И я с интересом прочитал некоторые абзацы. Это ровно тот учебник, который мне показывали, как выяснилось.

Вы знаете, если считать, что школьный учебник – это отчасти изложение более-менее официальной версии истории, даже, может быть, не сильно единой, то мы не увидим там такого жесткого акцента на такой имперскости, милитаризации, официализации всего на свете, но это скорее история эвфемизмов и умолчаний.

Там такие перескоки между абзацами... Описываются события, например, сентября 1939 года. Да, Германия напала на Польшу. И в то же самое время, буквально цитирую, я даже себе выписал: «Наступление с запада на Польшу дополнилось активными действиями

Советской армии на востоке». То, что происходило, называется «активные действия Советской армии на востоке». Нельзя сказать, что это неправда, это действительно активные действия на востоке, но нет четкого определения того, что происходило на самом деле.

Не упоминается собственно само понятие «пакт Молотова – Риббентропа». Этого нет. Но есть упоминание секретных приложений к договору между Советским Союзом и Германией. И в соответствии с этим договором, цитирую, «руководство СССР приняло решение о вступлении 17 сентября 1939 года в Польшу советских войск». То есть опять всё правда на самом деле, но в то же самое время это эвфемизм и умолчание. Вот примерно так представляется эта самая история.

Да, еще советские войска в Польше на востоке встречали, в принципе, неплохо, потому что там было беднейшее население, состоявшее из украинцев и белорусов, которых поляки угнетали. Тоже ведь не совсем неправда. Но в этом контексте, правда, можно было упомянуть еврейское население, а также погромы со стороны поляков в связи с вхождением одних войск и других войск. Но это уж совсем сложная материя, которая в учебниках не обсуждается.

Катынская трагедия в учебнике для школьников 11 класса – это 19 000 расстрелянных офицеров, а не 22 000, как, вообще говоря, по-моему, в историографии уже стало общим местом, и не только в польской.

Такие вот сложные формулировки... А все это под общей редакцией академика Чубарьяна, который, возможно, даже лично своей рукой что-то уточнял, а рука у него мастерская, я говорю без тени иронии. Думаю, что это всё сыграло свою роль.

Таковыми же эвфемизмами описывается оккупация Прибалтики, начало Зимней войны, с намеком на то, что Сталин же предлагал Финляндии вдвое большую территорию, а финны не согласились. Ошиблись финны. В этом смысле. Там не говорится прямо, что они ошиблись, но в результате-то эти территории, которые они не хотели уступать, мы же их забрали. Всё это есть в учебнике.

В принципе, помня свои школьные годы, точнее, не помня ничего из школьных учебников, можно сказать, что это не сильно формирующие слова, но они симптоматичны скорее с той точки зрения, что мы видим здесь официальную историческую политику в том виде, в каком она аккуратно сформулирована кем-то за нас.

Конечно, еще один формулятор исторической политики – это сам Путин. Очень важно понимать, что он сам думает про эту политику. Не всегда это улавливается массовым общественным мнением, но улавливается. И отношение к Зимней войне примерно такое, как в учебнике, его же, высказанное публично несколько лет назад на встрече с Военно-историческим обществом, его представление о Ленине.

Опять же, повторяюсь, что мы иногда несколько преувеличиваем: вот он сказал слово... Но одно дело, что он сказал слово, например, про Турцию, что это был удар в спину, это все повторяют, вся нация повторяет, это видно по социологическим фокус-группам. Здесь он произнес про Ленина, что тот подложил атомную бомбу под страну и страна потом рванула. Это было сказано на узком совещании по научно-техническому прогрессу в ответ на слова Ковальчука. Кто-то заметил, кто-то – нет. Поэтому, если судить по социологическим опросам, отношение к Ленину достаточно нейтральное у граждан:

Ленин и Ленин, какой-то был человек, давно это было... Чем дистанцированной история, тем спокойнее к ней отношение.

Чего не скажешь, естественно, про Сталина, который становится главным героем исторической политики, главным героем российской истории, именем номер один в России. Нельзя сказать, чтобы этого тренда на сталинизацию сознания, назовем это так (я понимаю, что это гораздо более сложный феномен, и мы к этому еще вернемся), не было. Он был все эти годы. И восхищение Сталиным росло, и уважение к его эпохе росло при сохраняющемся нежелании жить в эту эпоху. Но скачкообразный рост произошел – это фиксирует социология – после взятия Крыма в 2014 году. И этот рост не прекращается, цифры даже не стабилизировались. В общем, симпатии к Сталину растут, растут и растут. В докладе есть все эти цифры, они, естественно, в открытом доступе в Левада-Центре, я опирался в основном, естественно, на исследования Левада-Центра.

Тем не менее, чтобы дать возможность коллегам высказаться, я буквально за три минуты какие-то базовые тезисы доклада сейчас изложу, а дальше мы уйдем уже в детали и в подробности.

Чувство гордости за собственную историю – опять же, это показывает социология – стало главным самоидентифицирующим критерием для россиян в последнее время. И это свойство выходит иногда на первое место даже в плане самоидентификации Россиян.

Базовый исторический дискурс, внутри которого мы живем, на мой взгляд, прежде всего имперский, милитаристский, охранительный, воспитывающий гордость. В этом нет ничего противоестественного, любой национальный исторический дискурс такой, в смысле не обязательно милитаристский, но воспитывающий гордость. Просто эта гордость связана с триумфальными военными победами и с отсутствием негатива собственно в самой истории. Это касается и сталинского периода, и периода репрессий.

В этом смысле историческая политика становится, конечно, инструментом управления массами, в буквальном смысле этого слова. И одним из этих инструментов, если мы примем концепцию двух памятей: память более-менее официальная и память более-менее неофициальная... С помощью вот этой первой памяти и осуществляется управление сознанием, осуществляется формулирование, артикулирование тезисов внешней политики и внутренней политики.

Притом что официальная память, имея почти полную монополию на прошлое, как у нас в экономике тоже есть государственная монополия, как в политике у нас есть государственная монополия на политический процесс, так и в области памяти тоже, на мой взгляд, есть монополия на государственное прошлое... Эта монополия вынуждена, конечно же, сражаться на двух фронтах. Один из фронтов внутренний. Это борьба с профессиональными историками, по сути дела, это борьба с неофициальной памятью, это борьба с частной памятью и т. д. и т. п. Но это и борьба на внешнем фронте с национальными памятьями других народов: с памятью польского народа, который сейчас тоже в несколько специфическом состоянии находится в связи со специфической властью в той же самой Польше, с памятью финского народа, американского народа и т. д. и т. п. Эти два фронта тоже исследуются отчасти в этом небольшом докладе.

Базовые разделительные линии, которые раскалывают, по сути дела, нацию на большинство и меньшинство. Тем не менее, это одна нация, но она расколота. Это прежде всего отношение к Сталину и к сталинскому периоду, к репрессиям и отношение к 90-м

годам: для кого-то они «лихие», для кого-то они – время свободы (для меньшинства, понятное дело). Но раздел идет именно по этим линиям, и эти разделительные линии определяющим образом влияют на текущий политический процесс.

Революция 1917 года в контексте исторической памяти оказалась не сильно значимой, потому что это событие проще заметить, чем отметить, для власти, потому что непонятно, как отмечать эту самую революцию. Она была давно, красные и белые тоже давно растворились, канули в лету. Строить на этом дискурс примирения разных социальных групп можно, но как-то не очень акцептируется массовым сознанием.

В общем, мне кажется, что эту годовщину мы пройдем более-менее спокойно. Даже количество государственных денег, выделенных на всякое празднование, на всякие исследования, не очень велико. Скорее всего, 1917 год не будет иметь принципиального значения ни для чего: ни для артикулирования идеологических позиций, ни для текущей политики, ни для предвыборной кампании. В общем, нулевое воздействие.

Мне кажется, гораздо более серьезная дата – это 1938 год, это «Большой террор», то, что начнется... Годовщина будет в будущем году. Здесь уже возможны некоторые дополнительные разговоры на эту тему.

Но хотел бы подчеркнуть, ведь власть же не против того, чтобы признать репрессии. Да, были репрессии, да, было это всё неправильно, но не это не главное. Главное – что мы победили в войне под руководством Сталина, главное – что произошло послевоенное восстановление народного хозяйства. А репрессии... Ну, лес рубят – щепки летят. Вот такое отношение. И в рамках такого отношения не грех поставить даже мемориал памяти жертвам репрессий в центре города на пересечении проспекта Сахарова и Садового кольца. Это вполне нормально, это годится.

В то же время мы видим в тех же самых социологических исследованиях рост показателя «Репрессии были политически оправданы». Для меня это самая страшная тенденция в массовом сознании, что люди для себя внутренне оправдывают эти репрессии и говорят о том, что они политически оправданы. Это даже разговор не о вине кого-то, реальной или нереальной, подлинной или не подлинной, а просто готовность принимать политику как повод для того, чтобы осуществлять репрессии.

Мы, опять же, несколько недооцениваем эти все вещи, насколько массовое сознание на самом деле не просвещено, насколько оно подвержено даже не прямой пропаганде, а атмосферным условиям, которые существуют в стране.

Последнее, что я скажу, и сразу представлю слово нашим гостям. На презентации доклада Вольного исторического общества, их было несколько в одной из серьезных организаций, где вроде бы сидели исключительно образованные люди, интересующиеся историей, ко мне после этой презентации подошел молодой человек лет 35-ти в костюме и чуть ли не в галстук... А я в ходе презентации упомянул собственного деда, который погиб в ГУЛАГе и т. д. и т. п. Он подошел ко мне с вопросом: «За что сидел Ваш дед все-таки?» Я сказал: «Как за что? По 58-й статье». Он спросил: «А что такое 58-я статья?» Я объяснил. Он говорит: «Ну не могло же быть так, что его просто так посадили».

Это человек, который в Москве на почти закрытой презентации серьезного доклада серьезными людьми, интеллигентный и деликатный, не стал публично спрашивать, он спросил индивидуально. Вот как понять происхождение таких мозгов в XXI веке в

России? Это массовая деградация или это единичный случай? Я не могу сказать об этом. Но то, что массовое сознание кренится в соответствии с атмосферой в этом самом воздухе, то, что оно не просвещенное, и то, что оно потеряло все то, что приобрело в годы перестройки, мне кажется, это очевидно. И это довольно тяжелый тренд, опасный тренд.

И учитывая еще то, как наша пропаганда работает, я ее в последнюю очередь упомяну, это может действительно сильно исказить историческое сознание нации, уже исказило историческое сознание нации. И восприятие истории сегодня нацией как целым мне представляется сильно неадекватным и лишь адаптированным к задачам управления страной так, как этой страной управляет нынешний политический класс.

На этом я закончу вступление и передам слово Николаю Сванидзе.

Сванидзе. У меня нет какой-то стройной линии моего выступления. Это уже скорее будет некий набор тезисов и впечатление от того, что сейчас говорил Андрей.

У меня, кстати, тоже было несколько таких историй. После некоего мероприятия ко мне подошел пожилой красивый седой человек, представитель одного из депортированных кавказских народов... А там тоже речь шла, в частности я упомянул о своем репрессированном и убитом деде. Он подошел ко мне и спросил: «А Вы уверены, что дед-то не виноват был?» И стал меня убеждать, мягко тоже, интеллигентно, что, наверное, я движимый родственными чувствами и я, наверное, как-то обеляю деда, наверное, все-таки рыльце-то в пуху было. Повторяю еще раз, пожилой спокойный человек без психопатических проявлений, представитель одного из депортированных народов.

Были у меня другие случаи, когда возникает дама из Новосибирска, по-моему, которая мне говорит, что у нее репрессированы дед и бабушка, и она считает, что абсолютно правильно репрессированы. У ее родителей был портрет Сталина всегда, и она понимает, что, да, наверное, правильно репрессированы. Может быть, кто-то был репрессирован неправильно, потому что бывали, конечно, какие-то исключения, перегибы, но в основном это было правильно и нормально. И хотя она внучка деда и бабушки, она ничего плохого в этом не видит.

Это достаточно распространенное явление. Хотя, конечно, это, я бы сказал, даже не психологический, а такой психический феномен, феномен массового сознания. Но он имеет, я бы сказал, клинический характер, на мой взгляд, нездоровый. Что с этим делать — я тоже не знаю.

Кстати, тот случай, о котором я говорю, имел место где-то, наверное, лет семь-восемь назад. С тех пор ситуация ухудшилась. Она значительно ухудшилась действительно после Крыма, после 2014 года.

Мы видим сейчас вполне определенную тенденцию в массовом сознании и в подходе к истории и в государственной позиции, в государственном подходе к истории. Потому что еще несколько лет назад тот же президент Путин ходил на известное место массового захоронения и там высказывал, выражал сочувствие невинно убиенным. Там с ним был тогдашний патриарх, и там с ним был, по-моему, тогдашний уполномоченный по правам человека, и их позиция не отличалась от его позиции. Сейчас он по-другому говорит. Мы помним, как он высказывался по поводу начала войны, как он высказывался в Гданьске. А сейчас он говорит по-другому.

То есть и он изменил свою позицию. Я не знаю, с чем это связано, это вопрос к самому президенту, вероятно, если он готов был бы на него ответить: у него изменилась позиция или он просто раньше не думал, а теперь задумался? Или раньше он говорил специально одно, потому что язык служит, как известно, для того чтобы скрывать свои истинные мысли, а сейчас стал говорить другое? Не знаю. Это уже связано с персональной позицией президента. Но действительно персональная позиция президента очень тесно увязана с исторической позицией в целом.

Андрей упомянул академика Александра Огановича Чубарьяна, очень уважаемого мной человека, высокого класса специалиста, у него есть (кто не читал – рекомендую) книжка, которая называется «Канун трагедии», написанная, наверное, лет шесть назад. Книжка замечательная, о начале Второй мировой войны, где все вещи названы своими именами, где очень детально изложена подготовка к подписанию пакта Молотова – Риббентропа, вся дипломатическая и политическая составляющие этой подготовки, нажим со стороны Гитлера на Сталина, его торопливость, его энергия, его готовность предложить Сталину всё в обмен на подписание договора, чего душенька пожелает: хочешь это – пожалуйста, хочешь то – да получай! Потому что Гитлер прекрасно понимал, что он дает игрушку, которую потом отнимет в любой момент, когда сам захочет. То есть он дает поиграть, он дает на время, а возьмет потом, по его мнению, навсегда. Вот это очень четкая трактовка пакта Молотова – Риббентропа, очень четкая трактовка самой системы тогда договоренностей и того, что Сталин клюнул на это, а может быть, и не клюнул, а тоже имел свой какой-то глубинный интерес, который совпадал в данном случае с интересом Гитлера.

Во всяком случае это очень сильно написанная книга на документах. Замечательно там потом изложено, кстати, то, что связано уже с первыми числами сентября 1939 года, после того как Запад, как процитировал Андрей учебник истории, напал на Польшу, и до того, как Советский Союз вступил на территорию Польши со своей стороны, как не знали, называя вещи современным языком, употребляя современные слова, как это дело пиаровски как-то продать миру. Это была растерянность. И Молотов был постоянно в переписке с Риббентропом, потому что ну как же, мы защищаем... Первый вариант был – мы защищаем от германских войск. Немцы возмутились виновато: «Ребята, мы с вами договор подписывали или где? Что это вы от нас защищаете? Мы с вами союзники вроде. Или как? Нет, так не пойдет. Защищайте от кого угодно, но не от нас». Он говорит: «Ну а как нам быть? Ведь нам же нужно все-таки каким-то образом обеспечить пропагандистскую поддержку этой акции».

Очень сложная была позиция. Это всё Чубарьян описывает. И теперь он занимает значительно более осторожную позицию, этот очень высококвалифицированный и мудрый человек, потому что он занимает позицию, связанную с изменением государственной идеологии. Несомненно, это так, она изменилась.

В чем, я бы сказал, ее изменения и в чем сейчас состоит ее подход, именно по части истории?

Пункт первый: история не наука. Вообще, на мой взгляд, сейчас самая главная проблема истории как науки – это то, что она не воспринимается государством как наука. Она воспринимается как продажная девка. Абсолютно. То есть верти ее, крути как хочешь, в любую сторону и в любой позиции, потому что это не наука и никогда не была наукой. И те, кто считают, что это наука, они врут, потому что бездоказательна. Доказать-то ничего нельзя, мало ли что когда было... А мы скажем, что было по-другому. И всё. Ну и всё,

пойди докажи! Это же не арифметика. Даже арифметика – вот один и два... Всё. Вот здесь все наглядно. И еще два – это четыре.

А в истории наглядности нет. И если какой-нибудь авторитетный массово человек и с хорошо подвешенным языком скажет, что вот было так, так и так, почему ему собственно не поверят, если на его стороне будет вся пропагандистская машина? Значит, можно. А если можно, значит, нужно.

Это первое. И это очень важно, и это очень плохо. Потому что, конечно, история – это наука. И любая историческая позиция должна быть подкреплена теми или иными профессиональными доказательствами. Есть замечательный рассказ Шукшина «Срезал» на эту тему, о том, что как раз профессиональный человек в публичной дискуссии, скорее всего, проигрывает человеку непрофессиональному, но знающему, как разговаривать с аудиторией.

Второе как следствие первого – идет упрощение истории. Прежде всего даже это не имперскость, хотя это есть, конечно, это не выдвижение на первый план каких-то побед и предложение забыть о поражениях, о неудачах и т. д. То есть вся история состоит из побед, вся история состоит из успехов, из восхождений от хорошего к прекрасному, от прекрасного к великому. В соответствии с заветами графа Бенкендорфа абсолютно о том, как нужно изучать историю. Но главное – это упрощение.

История должна восприниматься просто, и тогда ее будут воспринимать так, как надо, потому что люди не любят сложности, люди воспринимают все простое и запоминают это. Это абсолютно такой тоталитарный, сталинский подход к истории. В этом смысле Иосиф Виссарионович был замечательным массовым психологом, разумеется, в этом ему не отказать.

Как он предлагал видение истории? У него были свои сложности в отличие от нынешнего времени, потому что он должен был до поры до времени всю историю до 1917 года окрашивать черным цветом в соответствии с ленинской революционной идеологией. Потому что если все было так хорошо, то откуда взялась Великая Октябрьская революция 1917 года. Значит, все было плохо. Всё было всё хуже, хуже и хуже. Это усложняло, конечно, его историческую подачу. Он в конце концов с этим справился, он изменил эту подачу, он сменил ее полностью где-то в период перед началом войны и окончательно во время войны и перешел к абсолютно имперской подаче, совершенно другой, не ленинской. Но он давал ее просто. В каждом историческом разделе, в каждом историческом эпизоде у него было разложение: первое, второе, третье... Герои гражданской войны: я, Сталин, условно говоря, дальше идут Буденный, Чапаев. Всё. Коротко и ясно. Все остальные – это боковые персонажи, которые не очень интересны.

Есть несколько исторических героев. Там, Александр Невский, условно говоря. О Владимире Святом тогда никто слыхом не слыхивал толком, совершенно былинный персонаж. Вот Александр Невский. Замечательно. Иван Грозный. Сначала был Петр I. Петр I нравился Сталину, но потом немножко разонравился, потому что окно в Европу, западнический такой акцент в политике – не то. Иван Грозный – хорошо. Слабоват был, мягковат, недорезал несколько боярских родов, как известно, что имело свои печальные последствия. Если бы дорезал, все было бы просто хорошо и прекрасно, но вот... То есть несколько есть.

Это унаследовано в значительной степени сейчас. Сейчас проще, потому что мы сейчас не скованы этой марксистско-ленинской линией, согласно которой вся история является прелюдией к 1917 году, а большая история начинается с 1917-го. Нет, мы сейчас этим не скованы, у нас здесь более органичный подход, более легкий, более нормальный. Вся наша история есть восхождение, это есть история пути вверх от простого к более сложному, от хорошего к великому. И в этом смысле всё замечательно. Но, повторяю еще раз, прежде всего упрощение.

Упрощение имеет две цели. Во-первых, действительно, как я сказал, простота восприятия. А во-вторых, оно отучает думать. Потому что мы видим, что ведь политика в отношении истории – это часть культурной политики в целом. И мы видим по событиям последнего времени, которые не являются сегодня частью нашего контента, именно этой нашей встречи, но тем не менее, выводить их за скобку мы не можем... Мы видим, что одной из главных политических целей, на мой взгляд, является попытка отучить от рефлексии.

Не нужно рефлексировать, нужно верить. В этом смысле неслучайно, что именно РПЦ или какая-то часть РПЦ сейчас играет роль определенного идеологического отдела ЦК КПСС. Верить. Думать не нужно, верить нужно. Не мудрствуй и бойся, как предлагалось еще в допетровской Руси в школах.

В этом смысле подход к истории соответствует вот этому тренду. Не нужно особенно думать. Было несколько героев, история была замечательна, история была прекрасна, сейчас она еще прекраснее. В принципе, если при советской власти, особенно при ранней, вся история, повторяю, это была подготовка к Октябрьскому перевороту 1917 года, то сейчас вся история – это подготовка к нынешнему великому правлению на самом деле. Это следует толковать именно так.

Это нормально, это банально. В принципе, при каждом схожем режиме вся история именно так и воспринимается, что вся история есть прелюдия, есть подготовка к тому великому, что мы имеем сегодня.

Есть еще один момент, который, конечно, отличает нынешнюю историческую идеологию от предыдущей. При советской власти все-таки идеология состояла в мечте о будущем. Была некая заявленная цель в будущем, фантастическая абсолютно, но она была: мы строим нечто. Сначала верили, потом не так верили, потом совсем не верили. Но тем не менее, официально это было заявлено. Сейчас этого нет, и мы обращены в прошлое полностью. И мы строим не некое прекрасное будущее, а люди привыкли, что мы что-то строим, что само по себе, конечно, неправильно или наивно, но привыкли, что что-то строим, и сейчас нам предлагается строить то, что было в прошлом.

То есть мы выдаем... Когда я говорю «мы», употребляю это местоимение множественного числа первого лица, я имею в виду государственную власть, конечно. Мы предлагаем принимать прошлое за наше прекрасное будущее. Это сам по себе интересный посыл, он не от хорошей жизни. Вот было так. Когда было – другой вопрос. При Иване Грозном, при Сталине... Подробности упускаются, потому что, я повторяю, речь идет об упрощении трактовок. Поэтому без подробностей. Просто было хорошо, было величие, нас боялись, нас уважали. Нас и в будущем будут уважать, нас будут бояться.

Как именно, что будет в будущем – неизвестно. Это не предлагается, это не обсуждается вообще. Мы видим – этого нет. В повестке дня этого нет. Никто не говорит о том, что будет через год, через десять лет, через двадцать лет. Никто. Цель не заявлена. Заявлены

только некоторые исторические ориентиры, какие-то исторические вехи, а будущего ничего нет.

В этом смысле я согласен с тем, что история сейчас играет центральную идеологическую роль. В этом смысле это, конечно, поле интеллектуального сражения, разумеется.

Совершенно согласен с тем, что само по себе отмечание 1917 года пройдет спокойно, потому что не знают, что с ним делать, и не будут в результате делать с ним ничего. Потому что, во-первых, изменилась линия фронта с 1917 года и с гражданской войны. Изменился сам характер противостояния. Красные и белые – это неактуально. Сейчас совершенно по-другому лежит линия противостояния, мы знаем.

Во-вторых, говорить, что это было плохо, – отталкивать значительную часть населения. Я имею в виду октябрьский переворот 1917 года. Говорить, что это было хорошо, – это значит ветер в паруса КПРФ, что тоже нынешней власти не нужно совершенно. Поэтому это не будет истолковываться никак, пройдет спокойно.

Что касается годовщины «Большого террора», я все-таки напомним, Андрей, что годовщина-то не в 1938 году, а в 1937-м на самом деле.

Колесников. Нет, я имею в виду пиковые...

Сванидзе. Поэтому это этот год. Уже фактически, что называется, отпраздновали в значительной степени. И мы видим как – никак. Вообще никак. Хотя, несомненно, «Большой террор» – это совершенно колоссальный объект для изучения, потому что это же превосходный пример плана в отношении репрессий. Это же плановые репрессии, когда сверху задавался некий план, снизу предлагался встречный план, и, таким образом, перегоняя друг друга, росла эта лестница крови. Конечно, здесь сам бог велел посвящать этому труды, но этого уже сделано не было. Думаю, что и в 38-м году это сделано не будет.

Спасибо.

Муж. В 18-м. Не будет в 18-м году.

Сванидзе. В 2018-м, да.

Колесников. Кстати, к вопросу о будущем. Сейчас же все кинулись искать образ будущего, но, правда, не могут его найти.

Сванидзе. У меня такое ощущение, что особо не ищут.

Бордюгов. Нет, накануне выборов дано задание.

Колесников. Формальная задача.

Сванидзе. Это в рабочем порядке так, локально.

Колесников. Нет, находят его в том же, в чем находила поздняя советская власть – в научно-техническом прогрессе. Тогда это называлось НТП, сейчас это называется

«цифровая экономика» и все такое. Но все равно придут же к шарашкам, а не к свободной экономике.

Сванидзе. Ведь дело в том, что цифровая экономика – это все не наше в конечном счете. Нам же на этом не гарцевать. Тут сложно.

Колесников. Да. А надо, чтобы было наше.

Сванидзе. Нам-то нужно что-то свое, родное.

Колесников. Но, опять же, мы возвращаемся...

Муж1. Властелин искусственного интеллекта. Кто будет владеть искусственным интеллектом – тот будет владеть миром.

Колесников. Искусственный интеллект, да.

Бордюгов. Властелином будет.

Сванидзе. Властелином мира, да.

Бордюгов. Властелином мира.

Муж1. Сейчас такой *.

Бордюгов. Значит, у кого-то будет искусственный интеллект.

Муж1. У кого-то искусственный интеллект.

Колесников. Геннадий Бордюгов, глава Международного совета Ассоциации исследователей российского общества, один из лучших российских историков, занимающийся в том числе исследованиями исторической политики, фактически мониторя ее в режиме реального исторического времени.

Бордюгов. Не смущайте.

В своей статье – импульсе к нашей сегодняшней дискуссии – Андрей Колесников назвал основные черты, связанные с современной исторической политикой. Я продолжу разговор в другом ракурсе, опираясь на опыт мониторинга в нашей ассоциации, который мы ведем на протяжении 25 лет в самых различных плоскостях, связанных с бытованием прошлого в современном обществе.

Известно, что сегодняшняя историческая политика сакрализует прошлое. И обидно, что как раз в массовом сознании при этом исчезает категория естественного времени. То есть в результате повседневность перестает быть интересной людям. И если культ будущего порождает идею всемерного ускорения времени, то культ прошлого, а тем более – «правильного» прошлого – неизменно поднимает, как мы видим, и волну национализма, который перерастает часто в шовинизм. И роль метронома в этих идеологических кампаниях, конечно, играет, как мы все видим, тема глубокой патриотичности.

Часто можно услышать, что страна, которая постоянно возвращается назад, не имеет перспектив. Вот и Путин год назад на встрече с участниками Общероссийского исторического собрания заявил очень интересно: «Ни один народ не должен жить в прошлом и купаться в своем героизме бесконечно. Это вредно и опасно для будущего нации».

Все верно. Но как реально смириться с тем, что наряду с этим создается культ прошлого? И вообще как реально преодолеть этот культ прошлого и как установить нормальный баланс между прошлым и будущим? А еще лучше – и для меня это самое главное – вернуться к естественному ходу жизни в настоящем.

Очевидно, что в обозримом будущем постсоветские государства не откажутся от исторической политики. Хорошо, пусть будет так. Но ведь историки в таком случае, реально глядя на ситуацию, вправе сегодня говорить об идеальной конструкции вот этой исторической политики. И здесь очень важно иметь в виду, что историческая наука, естественно, не может развиваться автономно от политики, от власти, от идеологии. С этим надо считаться. А с другой стороны, мы видим, что попытки присвоить прошлое, следовать принципу партийности приводят к бюрократизации и окостенению историознания.

Но самое важное, что какие бы ни были механизмы этой исторической политики, и мы прекрасно их знаем, включая такие отжившие, как, например, цензура, привилегированные институты, послушные историки и прочие, все равно, несмотря на это, в среде профессиональных исследователей всегда будет существовать лишь видимость принятия оценок от политиков. Да, внешне может демонстрироваться одно, но внутренне всегда историческое сообщество будет жить по другим критериям.

И вообще история как наука не должна нравиться тому или иному режиму власти, у нее другие цели и задачи. И то, что сейчас стало, например, хрестоматийным: раскрестьянивание, массовые репрессии, цена войны, – это все открыто, мы об этом говорим, но ведь, вспомните, совсем недавно это была страшная крамола. И за это травили историков: Платонов, Краснопевцев, Гефтер, Тарновский, Данилов, Волобуев и другие. А именно они подготавливали, несмотря на все это давление, как раз почву для перестроечного переосмысления прошлого.

А есть ли такая почва сегодня? Есть ли точки диалога для власти и научного сообщества историков? Я для себя отвечаю – есть. Хотя не всем это нравится.

Во-первых, мифы. Их не надо создавать и плодить, как это делают наши сегодняшние два министра – образования и культуры. И надо иметь в виду, что не все становится мифом, как бы им ни хотелось. А то, что стало мифом – Сталин, Победа, Советский Союз – часто бесполезно преодолевать, поскольку для кого-то, для старших поколений это стержень жизни. Вынете его – и человек просто исчезнет.

Но воспитывать на мифах – это последнее дело. Это манипулятивные технологии, которые отрицают критическое мышление и признающие лишь канон, веру. Не закон, который можно опровергнуть, который можно переосмыслить и дискутировать по его поводу. Нет, канон и беспрекословная вера.

Вторая точка соприкосновения – это, конечно, прикладная история, public history. Для меня это самое главное. И для нашей ассоциации в последние годы это стало предметом

наших исследований и мониторингов. То есть в идеале именно public history, прикладная история должна прийти на смену нынешней исторической политике, которая, конечно, узурпируется то одним, то другим режимом власти.

Public history предполагает как раз равный диалог власти и общества по поводу прошлого. И такие ситуации были в 1917–1931 годах, в 1991–2005 годах. И в этом диалоге были неуместны оба тоталитаризма. С одной стороны, академический, который не способен и, главное, не желающий воспринимать былое не на дистанции, а как нечто нам современное. И популяризаторский, который готов представить прошлое таким, каким его хотят видеть потенциальные покупатели.

Только так историки могут менять ситуацию — через текущие оценки прошлого, через мониторинг бытования прошлого в современном обществе. И только так, выйдя из своих академических кабинетов, они становятся способными создать реальную конкуренцию власти, нарушить ее монополию в пространстве памяти, проектах и сценариях значимых для людей дат и событий.

К примеру, важна не наша Победа, а проблема сохранения живой, подлинной памяти о Победе. Важна не революция или страх перед ней, а важны извлекаемые из ее последствий уроки. И, что любопытно, именно по этим двум таким важным точкам и происходят партийные раздоры. У них раздоры, а от людей требуют под знаменем этих двух знаковых событий объединяться и примиряться.

Ученые Вольного исторического общества (известный доклад «Какое прошлое нужно будущему России?») требуют деполитизации истории, отказа государства от монополии на прошлое. Но кто даст гарантию, что в этой прекрасной ситуации у какой-либо научной школы или общества не возникнет стремления узурпировать это право?

И здесь в этом случае нельзя не согласиться с Алексеем Миллером, который определенное очень важное место отводит как раз интернет-сайтам, которые способны организовать экспертное обсуждение вопросов политики памяти и транслировать их результаты в общество. А за последние три-четыре года, как показывают наши мониторинги, как раз число более или менее организованных экспертных групп, занимающихся проблемами исторической политики и политики памяти, в России резко возросло.

Вместе с тем надо понимать, что наше общество слишком расколото, разбито на многочисленные конstellляции разных культурных, образовательных, мотивационных, ценностных и иных онтологических измерений. И такое общество невозможно — это надо понимать — в одночасье освободить от привычки воспринимать историю через мифы. А потому эксперты, которые тонко чувствуют, где, по каким точкам и линиям соприкосновения следует выстраивать диалог власти и науки для их обоюдной пользы, должны набраться терпения, напрочь отказаться от каких бы то ни было проявлений профессионального сектантства, самомнения, ощущения собственной монополии на правду.

На культе прошлого, как показывает вся мировая история, невозможно долго продержаться. И мне кажется, тоже не все со мной согласятся, но наши мониторинги это фиксируют, что обществу уже поднадоедают «бронзовая», а не подлинная память, пантеон одних и тех же героев.

Посмотрите, например, я вам хочу это продемонстрировать, на бытование некоторых мемов в нашем общественном сознании. Допустим, известны мемы «9 мая», «революция», «залп "Авроры"», «вожди революции» и т. д. Но посмотрите, как с этими мемами поступает общество.

На эти мемы общество реагирует очень любопытно. Например, мем «9 мая». Это, допустим, конкурс, посвященный «9 мая», боди-арт в Удмуртском университете. Посмотрите, благое дело делают – ищут какие-то новые способы оживления памяти о Победе. Но на самом деле в обществе происходит... Мы говорим об идеологизации, а страшнее уже сейчас другое – профанирование, коммерциализация вот таких важных событий, дат и прочего. Или, например, посмотрите, «Мессершмитты» летят по молодому животу юной студентки. И это мем «9 мая». С мемом уже связаны «Спасибо деду за Победу!», различные шоу, всякие показы и т. д.

Или посмотрите, как относятся к мему «залп "Авроры"». Об этом можно очень много, долго говорить, их много, и они распространены по интернету. Например, залп «Авроры». Там не видно, но здесь написано «суп гороховый». То есть это уже предмет купли-продажи. Или, например, посмотрите, как соединяются крейсер «Аврора» с репинскими бурлаками. Куда они ведут крейсер «Аврору»? То есть здесь не только смех, здесь и профанирование, и реакция... Чем больше идеологии – тем больше будет вот такой реакции.

Или, например, посмотрите, тоже крейсер «Аврора» тоже, уже космические крейсеры, тоже очень популярны. Или соединение кэмероновского фильма «Титаник» с вождем революции. Это тоже бытование мема в сегодняшнем обществе.

Или, посмотрите, они уходят из Мавзолея, который превращается в казино, и они потом вообще убегают из этого мавзолея, наши вожди революции.

То есть, понимаете, Андрей говорит о полюсности, а наши мониторинги показывают, что между полюсами находится очень много интересных реакций и восприятия прошлого, и в том числе вот этих мемов, которые несут или трансформируют информацию об этом прошлом.

Я хочу сказать, что как раз прикладная история дает возможности показывать власти, что реально есть в историческом массовом сознании, и можно конкурировать с властью на этом понимании бытования прошлого в современном обществе. Хотя в идеале лучше не конкурировать, а взаимодействовать.

Спасибо.

Колесников. Спасибо. Предлагаю термин «мемизация истории». По-моему, Геннадий Бордюгов очень точно заметил такое явление как исчезновение настоящего из массового сознания.

Муж. Из истории.

Колесников. Да. Потому что есть искусственный интеллект в будущем, но при этом все наши достижения в прошлом, и мы стоим на плечах гигантов.

Более того, нынешняя власть политически легитимируется победой в Великой Отечественной войне прежде всего, национализируя историю, даже скорее приватизируя в пользу небольшой правящей группы, которая на этом накачивает свою харизму и подтверждает еще раз свою легитимность: мы выходцы из Победы, имеем право вами править, а вы не можете нас критиковать, потому что мы вышли из Победы, а Победу критиковать нельзя. Мне кажется, этот логический круг очень внятно всегда обозначается 9 мая и не только 9 мая, но и в период между девятыми мая тоже.

Эта приватизация истории – это тоже, мне кажется, достаточно очевидный феномен. Например, он хорошо виден на истории народной инициативы «Бессмертный полк». Как только «Бессмертный полк» стал достаточно эффективен и заметен, он немедленно был присоединен властью к своей версии празднования. Немедленно эту колонну возглавил Владимир Владимирович Путин. И немедленно госпожа Поклонская, взяв портрет Николая II, пошла тоже в этой самой колонне. То есть происходит одновременно официализация народной инициативы и ее профанация. Возможно, эти два феномена идут параллельно.

Сванидзе. Есть еще третий, на мой взгляд, это очень важно, а именно – превращение истории в некую чистую абсолютно доску, *tabula rasa*, на которой можно писать все что угодно. И если госпожа Поклонская идет с портретом государя-императора в «Бессмертном полку», то из этого вполне можно сделать вывод, что государь-император участвовал в Великой Отечественной войне. Просто участвовал. Или не участвовал. Неважно. Уже не определить, кто где в чем участвовал, потому что тебе предложат – то и было на самом деле. Нет истории как объективной реальности, не было ее! Может быть все что угодно. Куликовская битва могла быть до нашей эры.

Муж. Иван Грозный же поехал в Петербург.

Сванидзе. Иван Грозный мог поехать с сыном в Петербург. Все что угодно может быть.

Бордюгов. Я тоже вставлю реплику по этому поводу.

Можно опять-таки посмотреть по-другому. С одной стороны, да, власть может присвоить себе общественную инициативу. Но с другой стороны, тот же «Бессмертный полк» – это как раз показатель того, что уже нет единого сценария празднования Победы. То есть у власти, которая раньше всегда узурпировала это пространство памяти о Победе или о революции, появляются реальные конкуренты. И именно то, что как раз снизу выросла эта идея, показывает, что всё, монополии нет.

Смотрите, эта большая книга посвящена только мониторингу празднования семидесятилетия Победы. Я Андрею передам ее в подарок. Это как раз ассоциация во всех плоскостях просмотрела реакцию общества и государственных институций, включая – я не оговариваюсь – Русскую православную церковь. И вы увидите, это совершенно другая палитра. И полнота, она уже здесь не всегда срабатывает.

Вот еще одна из иллюстраций того, что Андрей сказал. Опускают очень многие даты. Например, у Росотрудничества есть проект «Новое поколение». И они для участников этого проекта дали «История России». Краткая хронология основных событий так называемой тысячелетней истории России. Вы здесь не найдете...

Ведущий. Она тысячелетняя.

Бордюгов. Да, она тысячелетняя.

Ведущий. Начальник(?) сказал...

Ведущий. Я Андрею тоже это оставляю для архива. Здесь вы не найдете ни раскрестьянивания, ни «Большого террора», ни переворота... В общем, все, о чем неудобно говорить – здесь этого нет. Спасибо.

Муж. Для того и написано.

Сванидзе. Есть еще некоторые интерпретационные, конечно, моменты, но это, в общем, фальсификация истории, несомненно.

Бордюгов. Конечно.

Сванидзе. О чем тоже говорилось сегодня, что вроде бы частично правда... Ведь самая страшная ложь – которая частично правда, потому что ее труднее опровергнуть.

Скажем, то, что касается Великой Отечественной войны. Сейчас же очень известный такой тезис, что мы воевали с Западом. Мы воевали не с гитлеровской Германией вместе с нашими союзниками в составе Антигитлеровской коалиции, а Советский Союз воевал против объединенного Запада. Ну на нас же пошел объединенный Запад. Это уже практически принятый тезис. Это очень интересно, кстати.

Колесников. Интересно, в этой брошюре с чего собственно история-то начинается: прибытие Рюрика.

Муж. Куда?

Колесников. Просто прибытие Рюрика.

Сванидзе. В Санкт-Петербург.

Муж. В каком году?

***.

Колесников. Сейчас скажу. Секундочку, я потерял...

Муж2. А это неправильная трактовка. Владимир Владимирович сказал, что не варяги.

Колесников. Сейчас скажу. 862-й. Летописное известие о призвании варягов. Прибытие Рюрика.

Муж2. Да, он сказал *, что не варяги.

Муж. С ума сойти! Кто же эти *?

Муж2. Это было два года назад, он опровергал. Всё, он вступил...

Сванидзе. «Неваряги» как одно слово. Неваряги.

Муж2. Неваряги нас создали. Эта брошюра фальшивая!

Сванидзе. Это возвращение на новом витке к борьбе с нормандской теорией.

Муж2. Да, да, да.

Колесников. Мы естественным образом перешли к общей дискуссии, к вопросам трудящихся, а также к выступлениям трудящихся. Вот у нас есть первый записавшийся – Владимир Гуревич, известный экономист.

Муж2. * в границе *.

Колесников. Идет запись, между прочим. Имей в виду, что передадим куда надо.

Гуревич. Спасибо. Мне кажется, что из того опыта наблюдения за нашей исторической наукой, а точнее – вплетением этой науки, исторической тематики в нашу текущую политику, следует вывод об огромном, может быть, доминирующем влиянии внешней политики на историю. Это буквально прослеживается почти что в каждом эпизоде, в каждой трактовке. И такое впечатление, что что бы ни происходило внутри, главным, определяющим фактором в трактовке исторических событий являются наши внешнеполитические координаты. То, где мы находимся, с кем приходится дружить или враждовать, определяет то, как мы определяем свое отношение к истории.

Я думаю, что не очень так уж правильно, хотя вроде понятно, столь пристально вглядываться и оценивать цитаты и мнение руководства. Хотя бы по той простой причине, что отношение и оценка пакта Молотова – Риббентропа от 2009 года, которая была сформирована в Польше, на 180 %, или на 180 градусов, или на 170 градусов отличается от трактовки, которая была там год или два назад. Просто радикально отличается, если вы почитаете, что было сказано тогда и несколько лет спустя.

Разница в трактовках отношения к внешнеполитическому партнеру Турции на протяжении года меняется тоже на 180 градусов: от ножа в спину, как правильно было отмечено, до опять стратегического партнерства. Абсолютно *super-flexible*, если говорить на китайском языке, супергибкое.

То же самое происходит, по сути, с историей. Но определяющим фактором, мне кажется, является наше положение в этот момент на международной карте. Если бы отношения с внешним миром или его значительной частью были бы другими, то и внутри исторической трактовки были бы радикальные мнения.

Сванидзе. История – служанка политики, несомненно, прежде всего внешней.

Гуревич. Внешней политики. Спасибо.

Бордюгов. Вольнолюбивая.

Сванидзе. Да. Но об этом никто не знает.

Колесников. Вот Ирина Чечель хотела задать вопрос.

Чечель. Спасибо большое. А можно сразу три, как обычно?

Колесников. Если они короткие...

Чечель. Короткие довольно-таки.

Бордюгов. Каждому.

Чечель. Вообще насколько вы считаете, что все происходящее связано собственно с российской ситуацией? С каким сознанием мы имеем дело? Это отчасти продолжение предыдущего вопроса. Но как вы считаете, что происходит с фактом? Иван Крастев, мне кажется, часто об этом пишет, что делались фактически тотальные опросы школьников в Германии, и оказалось, что очень большая часть школьников, в принципе, не уверена, к какой партии относился Гитлер, и едва ли знают это имя.

Мне кажется, что у нас идут подобные процессы, схожие процессы, почти аналогично все это движется. И то, что наша страна существовала больше чем 1 000 лет, и то, что Андрей Боголюбский ушел из Киева, поскольку там были еврейские погромы, вполне может прозвучать где-нибудь... Да, это на днях выяснилось. Вполне может прозвучать где-нибудь в добропорядочной Англии или Германии в такой же степени.

Колесников. Он был еврей, что ли, Андрей Боголюбский?

Чечель. Нет. Вы почитайте статью, выступление, точнее, лекцию Тихона Шевкунова на днях.

Колесников. Да, это важно.

Чечель. Это важное уточнение было сделано, наконец.

Я сейчас кружу несколько, но мой вопрос заключается в том, с каким сознанием мы имеем дело. Сейчас очень верно Николай Карлович говорил о том, что в этом сознании, внутри него все возможно. Но как вы его описываете? Что это? Это постмодернистское сознание или что-то другое? О чем мы вообще говорим? Насколько это постмодернистское сознание может формироваться абсолютно объективистской, позитивистской и архаичной властью, у которой сознание-то... Я бы не сказала, что оно постмодернистское, не похоже на это, судя по тому, что они порождают, если посмотреть некоторые сайты. Это первое.

Второй вопрос. Меня он очень заинтересовал именно вследствие вашей дискуссии. Потому что мне показалось, что вообще стоит говорить относительно того, что существует концепция предопределения в нашей исторической памяти. Потому что посмотрите, что происходило в пору перестройки. Если сталинизм отождествлял историческое прошлое как таковое, так сочтем, то в перестройку, с одной стороны, преодоление сталинизма и преодоление прошлого мыслилось не как преодоление всего прошлого, а как преодоление зла, ран, травм прошлого.

С другой стороны, существовала концепция инерции, которая существовала наравне с концепцией преодоления. И что в этой инерции было? Возобновление зла независимо от нашего желания. Независимо от нашего желания, потому что мы не можем его устранить, мы не можем его преодолеть.

Но сейчас-то, мне только что это пришло в голову благодаря вашей дискуссии, еще раз говорю, возникает не меньшая предопределенность. Оказывается, что славное прошлое не может не возобновиться. Оказывается, что именно в этом смысле мы можем трактовать идею прошлого как будущего, о которой говорили Николай Карлович и Андрей. И в этом смысле мы можем трактовать путинскую идеологическую модель непобедимости русских, поскольку прежние триумфы были и должны быть, они возобновятся как бы сами собой. Вот что это за концепция предопределенности, которая, несомненно, как модель включена, инкорпорирована в эту память? Это очень интересно.

Третий уже не буду задавать, я слишком, мне кажется, занимаю время.

Колесников. Я могу коротко начать по кругу...

Бордюгов. А может, всем дать высказаться, а потом мы на всё среагируем сразу?

Колесников. Уже есть два вопроса.

Сванидзе. Нет, забудется, конечно.

Бордюгов. Хорошо.

Сванидзе. Заиграется.

Колесников. Мне кажется, что сознание готово воспринять любой мейнстрим. Если мейнстрим один, оно воспринимает его позитивно, как это было в годы перестройки, антисталинистский мейнстрим. Или в 60-е годы первая десталинизация, массовое сознание вполне себе хорошо восприняло этот десталинизационный порыв. Если мейнстрим другой, то массовое сознание в соответствии с психологией толпы, которая, очевидно, распространяется на мозги тоже и прислоняется к базовому дискурсу, наоборот, скорее сталинистскому... Хотя никто не говорит, что Сталин – это чудесно, но народ выходит, собирает деньги, ставит бюсты вождю без всякой команды сверху. Не потому что народ сталинист, а потому что он считает, что так правильно.

Как со вчерашней историей с «Матильдой», извиняюсь, в Екатеринбурге. Мне кажется, что прав Ройзман, мэр Екатеринбурга, что слегка сумасшедший человек въехал на «уазике» в кинотеатр, потому что в этом кинотеатре хотели показывать «Матильду».

Сванидзе. А он это сам сказал, этот человек, на допросе.

Колесников. Он сам это сказал, да. Соответственно, вот эти вещи, они не безобидные, они вызывают в том числе акции прямого действия в данном случае. Собственно воздвижение памятника Сталину – это тоже акция прямого действия. Мне, честно говоря, интересно, что будет с мемориалом, который сейчас монтируется на пересечении проспекта Сахарова и...

Бордюгов. Стена скорби.

Колесников. Стена скорби. И Садового кольца. Интересно в каком плане? Он будет осквернен или не будет?

Муж. Его будут охранять(?).

Колесников. Вот в чем вопрос. Он будет как-то противопоставляться Соловецкому камню кем-то или нет? Наше сознание, конечно, сейчас находится в очень тяжелом состоянии, коматозном. И на самом деле – я немножко про это пишу – есть некоторая такая зависимость от Сталина.

Почему мы все время Путина упоминаем и все время Сталина упоминаем? Потому что любая либерализация в российской истории XX века связана с десталинизацией. Хрущевская либерализация – это десталинизация. Горбачевская либерализация и отчасти ельцинская – это десталинизация, еще одна волна. Обратные процессы происходят при подмораживании России. Значит, следующая волна либерализации, если она когда-нибудь будет, она будет одновременно десталинизацией, в том числе и сознания масс, мне так кажется.

Что касается предопределенности исторической памяти (второй вопрос), здесь я тоже немножко этого касаюсь. Мне кажется, что «эффект колеи», тот самый path dependence, есть не только в историческом развитии, но и в самом историческом дискурсе, в исторической памяти. Мы сейчас воспроизводим тот тип понимания истории, восприятия истории, который был присущ советской власти в самые тяжелые ее периоды.

Чечель. То есть *.

Колесников. По-моему, в этой работе я цитирую (уже запутался) один из любимых моих фрагментов из дневников Твардовского. Он пишет в дневнике по поводу мемориала Вечного огня. Это 1966 год. Запись в дневнике о том, что это, конечно, все очень хорошо, но где память о репрессированных? Где память о тех, кто был этим безумным режимом... Это он доверяет только интимному дневнику. А такая память, она упрощает. Вот в этом был посыл Твардовского в 1966 году с его-то мозгами сомневающегося человека.

Прошло 50 лет, даже больше. Мы ровно так же сейчас воспринимаем историю, как тогдашний официоз ее собственно интерпретировал. Повторение происходит и в этом тоже. Можно назвать это некоторой предопределенностью исторической памяти, «эффектом колеи» в исторической политике тоже.

Сванидзе. Кстати, об этом. Минута молчания 9 мая, которая с горбачевских времен производила лично на меня очень сильное впечатление. У меня к этому тоже свое прочувствованное отношение, отец воевал, все это в семье всегда культивировалось, без избыточного пафоса, отец не любил вспоминать войну, но тем не менее. И вот эта минута молчания всегда производила... Музыка Рахманинова и текст, в котором были слова в частности о репрессированных. Это теперь ушло с прошлого года, если кто не обратил внимание. Этого больше нет. Нету. И это уже совсем другая минута молчания. И по эмоциональному восприятию. Не только потому что я соответствующим образом настроен, но она вообще по эмоциональному восприятию другая. И, по-моему, там уже и Рахманинова нет. А это немаловажно. Совершенно другое, потому что не нужно слишком грустить в этот день, не нужно горевать по какому-то поводу. Это День Победы. Всё. Точка. Радуйтесь.

Муж. Мы празднуем День Победы.

Сванидзе. Празднуем День Победы. Всё.

Что касается Вашего очень интересного вопроса про постмодернизм, я об этом думал на самом деле, это действительно очень интересно. Я думаю, что в голове это у них есть.

Знаете, есть такой рассказ у Джека Лондона, я не помню, как он называется, про индейца, который на Аляске воспитывался белыми, старателями. Как Джек Лондон, весь его контекст. И он усвоил, впитал, что человек человеку волк, что каждый сам за себя. Он понял, что это главная идея белого человека. И потом, когда кого-то там надо было выручать и ехать, кто-то там попал в беду, и все эти старатели снялись и понеслись, он говорит: «А я не поеду». Ему говорят: «Ты с дуба рухнул, парень? Почему ты не поедешь? Наши там, надо спасать людей!» Он говорит: «Ну как, вы же мне сами говорили – каждый сам за себя. Я их не знаю, этих людей». И его избили страшно. Он не понял чего-то. Он понял в очень огрубленной форме.

Вот сейчас, на мой взгляд, у нас так же понимается на некоем высоком уровне то, что связано с постмодернизмом. Мир циничен, все друг друга обманывают, все друг другу врут, все выдают желаемое ими за действительное, и мы будем действовать так же. И мы будем рисовать по белому, по чистому то, что хотим, и врать по полной. Ну вы же врете! А нам что, нельзя? Вы же циники! Вы нам говорите, что мы циники, да вы сами циники, посмотрите на себя в зеркало! Врете на каждом шагу! И в международной политике вашей врете! И индейцев вы убивали! И негров вы вешали! Что вы нам-то пеняете? Поэтому мы будем делать то, что хотим, и будем предлагать ту историю, которая нам нравится, которая нам нужна. И это не вранье, нет, это следование собственным интересам, как вы нам предлагаете.

На мой взгляд, это абсолютно аморальная... Это отрицание ценностей на самом деле в настоящем виде, действительных ценностей. Это отрицание ценностей, если угодно, общечеловеческих, если угодно, христианских, абсолютное отрицание. Но это сознательное отрицание и вроде бы с осознанием своей правоты в этом смысле: вы нас заставляете так поступать, у нас нет другого выхода, и мы правы, потому что мы защищаем свои интересы. Вот я бы сказал так.

Это абсолютная архаизация, по ценностной системе это, конечно, возвращение в допетровскую Русь. Это действительно отрицание всего страшного, что связано с насилием. Правильно об этом Андрей говорил, неважно, насилие или не насилие... Выиграли войну. Хронологическая последовательность выдается за логическую связь. Если сначала убивали людей, а потом выиграли войну, значит, правильно убивали людей. Замечательно. Если сначала меня укусила муха, а потом меня поцеловала девушка, значит, правильно меня укусила муха. Вот так вот.

Хотя, конечно, здесь можно куда угодно... Петр Струве говорил, что нам нужно строить постбольшевистский патриотизм на примере митрополита Филиппа Колычева, который взбунтовался против жестокости Ивана Грозного. Вот пожалуйста. Ну кто мешает пойти по этому пути? Нет, Ивана Грозного едва не канонизировали. Может, еще канонизируют.

Кстати, о Сталине, конечно, потому что, естественно, это фигуры близкие друг другу, и Сталин – это как бы реинкарнация Ивана Грозного. И у нас всегда, если начинают ставить памятники Ивану Грозному, конечно, ищи сталинистов здесь. Это абсолютно понятно.

Муж. Эйзенштейн *.

Сванидзе. Конечно. Абсолютно взаимосвязанные фигуры.

Бордюгов. Я тоже выскажу несколько комментариев.

По поводу того, что цитаты вождя, как к ним относиться, к путинским высказываниям и т. д. Естественно, что они все условны, и, может быть, хорошо даже, что они все условны, потому что мы можем найти очень много противоречий в том или ином высказывании. Допустим, Путин о революции говорит, сначала разделяет ее – Февральская революция, Октябрьская революция, сейчас он говорит о единой революции, не российской, не русской, а просто революции 1917 года в России, вот его формулировка.

Здесь можно очень много подлавливать и найти, но дело не в этом, не в условности, а дело в другом. Понимаете, многие сейчас пытаются присвоить Путина себе, притом присвоить так, как им удобно. То есть они находят и начинают педальировать именно то высказывание, которое им в данный момент конъюнктурно удобно.

По поводу Ирины Чечель, которая всегда нас подталкивает к методологии. Это сложно, но кое-какие реакции.

Во-первых, действительно постмодернистское сознание. Да, мы имеем его сегодня. Или постпостмодернистское сознание. Как бы мы ни формулировали. Да, это вызов, когда действительно мы можем историю складывать как одну пирамидку из кубиков, потом – раз! – ее разрушить, выстроить и так, и так... Раньше этого не было, потому что была четкая теория прогресса, были четкие интеллектуальные абсолютизмы, они менялись и т. д. Сейчас этого нет.

Но это вызов как раз для историков. А как действительно тогда нужно описывать прошлое, чтобы оно влияло на сознание? То есть мы не готовы. Вызов есть, а мы не готовы. Правильно Николай Карлович говорит, мы опять архаизируем. И не только... Мы язык описания тоже даем очень кондово, упрощенно. Все правильно.

Теперь по поводу памяти. Это очень интересный вопрос о предопределенности, преодолении и т. д. Ир, ты делаешь ставку на предопределенность триумфа или героев и т. д. Но память так устроена, что если мы, например, говорим о Ленине, всегда у этого героя есть субъект памяти, это Троцкий, например. Или, допустим, у Сталина это может быть опальный Жуков, субъект памяти. То есть все зависит от того... Как бы ты не делал культурным героем пространства триумф, все равно у него будут субъекты, которые как бы десакрализуют этот триумф.

Или, например, давайте не забывать, что в пространстве памяти есть зона антипамяти. Ведь туда выталкивается всё нетриумфальное, всё постыдное, всё трагическое, о котором власть не хотела бы рассуждать. Но в зависимости от той или иной жизненной ситуации эта зона антипамяти, как было в годы перестройки, почти исчезла. И мы стали говорить обо всем. А сейчас мы опять эту зону памяти увеличиваем, туда пытаемся луч прожектора даже не направлять, другие режиссеры, другая сила освещения и т. д. Тогда действительно получается, что мы сужаем и выставляем на первый план триумф. Но опять-таки, еще раз, у него всегда есть субъекты. Поэтому как бы власть ни старалась и т. д., все равно в этой зоне будут субъекты памяти. И это хорошо.

Всё.

Колесников. Юрий Георгиевич и Виктор Шнирельман хотели тоже высказаться.

Юрий Георгиевич. * Академии наук. У меня два очень коротких комментария.

Первый. Что касается жертв репрессий. Если вы остановите у метро сколько угодно человек – 100, 200, 1 000 – и спросите: «Кто знает о приказе Ежова от 1937 года?» По-моему, что-то два нуля...

Бордюгов. 00447.

Юрий Георгиевич. Совершенно верно. Окажется, что его практически не знает никто. Из этого и рождаются эти вопросы: «А может быть, их правильно осудили?» Никто не знает, что этому предшествовало заседание Политбюро, что репрессии были заранее установлены как массовые репрессии, расстрельные, административным путем практически без всякого суда и следствия.

То есть это проблема того, что люди не знают. А не знают потому, что у нас... В общем, у нас не очень хорошо, по-моему, с исторической народной памятью вообще. Если взять казахов, например, там когда ребенок начинает хоть чуть-чуть соображать, на всю жизнь в него вдалбливают семь поколений предков. И если этого предка когда-то, допустим, расстреляли, этого никто никогда не забудет.

У нас русский народ особенно пережил все-таки такие катаклизмы, начиная с Первой мировой войны, с гражданской войны, с коллективизации и второй войны, что очень сильно народ фрагментировался, что ли. Поэтому это большая проблема – укрепление, восстановление исторической памяти. Это первое.

И второе. То, что касается войны и Сталина. Мы говорим: «Мы живем в XXI веке». Но я путем наблюдений пришел к выводу, что все-таки большинство народа, которое составляет его критическую, определяющую массу, живет не в XXI веке, что его историческая память выстраивается вокруг Великой Отечественной войны. Более того, не просто войны, а победы в Великой Отечественной войне. Потому что этому предшествовали такие колоссальные жертвы на протяжении десятилетий, этому предшествовали такие колоссальные жертвы войны, последующие страдания и тяготы, что даже сейчас, когда опубликовали цифры о 40 с лишним миллионах жертв, это не произвело на них, на народ, по-моему, никакого особого впечатления. Потому что такие цифры невозможно пропустить через душу. Это можно пережить только благодаря тому, что в памяти людей укоренилась эта Победа. А все, что предшествовало Победе, было сделано ради нее. А последующее – это последствия. Тем более что окружающий мир, весь мир, который мы спасли от чумы фашизма, вместо благодарности проявил исключительно черствую неблагодарность. И это во многом определяет массовое сознание.

С этим же связан Сталин. Кстати говоря, 9 мая 1945 года, как только сообщили, я провел весь этот день на Красной площади, пока не свалился ко сну. Это был день абсолютного счастья. Такого не было ни у меня и, по-моему, ни у кого никогда. Небольшое представление дает, когда Юрия Гагарина запустили в космос, была такая стихийная радость на Красной площади, но это только такое слабое подобие. И я думаю, что в этот день Победа вошла в народное сознание вот так и с ней имя Сталина. И с этим можно что-то поделать, по-моему, только в том случае, если мы наконец как народ соберемся и действительно двинемся в XXI век по пути прогресса и немножко отодвинем прошлое назад.

Спасибо.

Колесников. Спасибо. Мне кажется, что, конечно, вопрос просвещения и преподавания истории, а также акцентов в официальной истории очень важен. Собственно основная масса воспринимает историю так, как ее представляют сверху. А сверху это много всего: это и пропаганда, и преподавание истории, и просвещение, и способ празднования, и горевания, как говорят специалисты, и т. д. и т. п.

Сейчас – казалось бы, другая совершенно отрасль – очень много концепций судебной реформы. Вы меняете структуру – и у вас появляются сразу правильные судьи, они правильно судят и не берут взятку. А мне кажется, что дело не в структуре, а дело в том, каких юристов выпускают из вузов, что в них вложено преподавателями, такими судьями они и становятся. То же самое с историей: то, какой истории вас научили, – носителями такой истории вы и будете.

Вы носите такую историю, которая преподается в 11 классе. История эвфемизмов и умолчаний, плюс к этому ритуализация празднования войны – всё, вы выпускаете восемнадцатилетнего, семнадцатилетнего человека в мир вот с такой головой. Он понятия не имеет о том, что, например, в августе 1968 года выходили подлинные герои России, семеро смелых, Лариса Богораз и другие, протестовать против вторжения советских войск в Чехословакию. Наоборот, он получит по центральному телевидению документальный фильм о том, что вторжение было оправдано тем-то, тем-то и тем-то. И почему он должен думать иначе?

Мне кажется, этот просветительно-преподавательский момент, в том числе на уровне школы, чрезвычайно важен для формирования исторического сознания нации. Может быть, это самое важное, что есть.

Сванидзе. О чем уже говорилось, здесь это все вторично по отношению к политике во многом. Потому что если сейчас мы противостоям как бы всему объединенному Западу, то война рисуется исключительно в том же свете и в том же контексте: мы спасли весь мир, почему нам не благодарны? То есть речь не идет о том, что мы были не единственные, кто спасли, речь не идет о том, как мы потом поступили с частью спасенных нами. И непонятно, почему собственно они от нас сейчас так бегут все? Почему нас все так боятся? Мы же их спасли! Мы же всех спасли: литовцев, чехов, поляков... А они нас не любят. В чем дело? Почему? Потому что не объясняется, что последовало после этого спасения. Потому что если сначала спас девушку от изнасилования, а потом сам сделал то, что собирался сделать насильник, то, в общем, благодарность к тебе будет очень сомнительная, не всегда ты ее дождешься. Но это же не говорится.

Теперь про Сталина. Вы знаете, синдром популярности Сталина и ее роста очень существенный у нас, но он не однозначный. На мой взгляд, это тоже часть протестного синдрома. Это не просто сторонники репрессий и смертоубийств все время поднимают Сталина на щит. Они это делают само собой и достаточно успешно. Но помимо прочего его популярность связана с протестными настроениями, с такой на очень элементарном уровне тягой к справедливости. Кругом ворье. Люди, не знающие историю, считают, что он боролся с ворами, при нем была справедливость. Да, суровая, жесткая, жестокая, но справедливость. Из него нечто вроде такого сурового Христа делают.

У нас же очень смешанное вообще в том числе и религиозное сознание. У нас и последний государь-император в представлении некоторых сторонников госпожи Поклонской тоже второй Иисус Христос, и Сталин в чем-то второй Иисус Христос у нас. «Вы воры! Ужо вам! Сталина на вас нет!» Вот, на мой взгляд, тоже очень существенные корни роста его популярности.

Спасибо.

Колесников. И вообще роста популярности государственного вмешательства во все. Если демократия вам не дала благосостояния и чувства справедливости, вы будете искать другие... Я повторю, что народ не сталинист, он просто ищет более понятные, эффективные, с его точки зрения, с его точки зрения, вот этой справедливости и хорошей жизни.

Сванидзе. Да.

Колесников. На данном этапе, к сожалению, сейчас затянувшийся период поиска этой хорошей жизни через сталинизацию сознания.

Потом Виктор Шнирельман во втором ряду.

Магарил. Спасибо, уважаемые коллеги. Сергей Магарил, редакция журнала «Социологические исследования». Несколько реплик по поводу дискуссии, уважаемые коллеги.

Не берусь судить о сегодняшнем массовом сознании в терминах постмодернизма. На мой взгляд, может быть, наилучшая работа, описывающая реалии современной России, – это Владимир Шляпентох, «Средневековая Россия»(?). Наверное, дело вкуса.

И в качестве мостика к дальнейшему. На мой взгляд, в жизни общества может произойти только то, что присутствует в сознании общества. А в долгосрочной исторической практике закрепляется то, что соответствует доминантам массового сознания. Отсюда, безусловно, «эффект колеи». Что мы можем сделать для хотя бы частичного перестроения массового сознания?

Вот тут позволю себе нечто вроде социального заказа, один из возможных способов хотя бы попытаться что-то донести до массового сознания. В частности где-то полгода тому назад были опубликованы свежие цифры потерь Советского Союза во Второй мировой войне. Если я не ошибаюсь, 42 миллиона. По-моему, это целиком Польша по численности населения. Если ошибаюсь, поправьте меня, пожалуйста.

Муж. Больше.

Магарил. Теперь если к этому добавить потери в гражданскую войну, минимум 10 миллионов человек, современная осторожная профессура называет эту цифру, Сорокин называл, по-моему, миллионов 13, если добавить Голодомор, раскулачивание, расказачивание, коллективизацию, ГУЛАГ и прочее, по-моему, мы уже ощутило высказываем за 60 миллионов. Это целиком Франция. Таков эффективный менеджмент руководителей Советского Союза.

У меня не сложилось ощущения, что эти цифры, прежде всего потери во Второй мировой войне, привлекли какое-то более или менее осязаемое внимание и вокруг них развернулась дискуссия, позволяющая осмыслить прошлое. К этому примыкает еще один аспект проблемы. По существу, народ устилал своими телами путь к социальным утопиям. Не хочется говорить слово «безропотно». Почему? Что происходило? И нет ли осязаемых остатков этой покорности в нынешнем массовом сознании?

И еще в связи с этим. Судьбы творцов репрессий. Недавно в интернете наткнулся на фотографию, по-моему, первого состава Коллегии ОГПУ. Расстреляны все до единого. Если мне не изменяет память, Менжинский, сменивший Дзержинского на посту председателя ОГПУ, расстрелян.

Сванидзе. Нет.

Магарил. Подправьте меня, пожалуйста, я не профессиональный историк. Тенденции это не меняет. Ежов расстрелян, Берия расстрелян...

Муж. Ягода.

Магарил. Ягода. Подручный Абакумов и т. д. Мне кажется, что эти исторические факты желательно сделать как можно более широким достоянием того, что мы называем «массовое сознание». Может быть, у людей будет возможность хоть о чем-то задуматься.

И потому, еще раз, общественный заказ для наших высокопрофессиональных историков Вольного исторического общества, Ассоциации архивистов. Может быть, удастся нечто подобное запустить и противопоставить околосударственной идиотизирующей пропаганде.

У меня всё. Спасибо.

Колесников. Да, все правильно. Но боюсь, что у вольных исторических обществ мало ресурсов.

Сванидзе. Я одно замечание, поскольку это был не вопрос, а реплика, по поводу потерь в Великой Отечественной войне. На самом деле эта страшная последняя цифра не подтверждена, и она вызывает большие сомнения, что это больше 40 миллионов.

Речь вообще идет и копия-то ломаются, в том числе и в идеологической сфере, не из-за числа потерь в Великой Отечественной войне, а из-за структуры этих потерь. Речь идет о том, какой процент этих потерь – боевые, а какой – мирные. Если большая часть – мирные, тогда правильно воевали, тогда мы немногим больше потеряли, чем немцы, значит, руководство Красной армии, руководство советским государством было адекватное, правильное, значит, предвоенные репрессии в армии не сыграли негативной роли. Да? Понятна логика? А если большая часть потерь боевые, значит, всё не так.

На самом деле, конечно, подавляющая часть этих потерь боевые, и сумма более 40 миллионов сомнительна. На самом деле профессиональные историки сходятся к тому, что все-таки это ближе к 20, но из этих 20... Понимаете, мы уже настолько раздавлены цифрами, что нам 20 – это уже мало. Так вот это, судя по всему, ближе к 20, но из-за этих 20 мирных потерь там порядка 3 миллионов, скажем, насколько я помню, и из них большая часть – это еврейское население, это Ленинград и Сталинград, города, которым

запрещено было выезжать во время войны, чье мирное население было просто убито фактически решением Сталина. Это бóльшая часть. А в остальном это боевые потери. И мы понимаем, что если из этих «под 20» 16–17 миллионов боевых потерь, как это характеризует руководство?

Спасибо.

Бордюгов. Я просто в развитие Николая Карловича. Это очень важный вопрос именно структуры потерь. Я просто адресовал бы вас к книге, которую выпустила наша ассоциация в этом году, она вызвала много споров, и наверху тоже. Но это хорошо, когда идет дискуссия. Это Борис Соколов, «Цена войны. Людские потери СССР и России в мировых войнах». Это Москва, АИРО-XXI, 2017 год. Поэтому можно смотреть на это.

И тоже Вы очень интересный вопрос подняли о судьбах чекистов, о судьбах тех, кто репрессировал. Тоже мы издали книгу, она касается всего советского пространства, называется «Чекисты на скамье подсудимых». Это сборник статей очень многих известных историков и регионов России, и Украины, и Грузии, и других республик. Поэтому можете посмотреть, это очень важная тема, то есть что было с ними, как они по поводу этого рефлексировали, какие были допросы, какая была их судьба и т. д. Сейчас происходит поворот – понять этого палача, его судьбу, его психологию. Это очень любопытно. Мне кажется, историография в этом направлении сейчас идет, и это любопытное явление.

Что касается утопий. Это, конечно, мне кажется, один из центральных вопросов. Понимаете, дело в том, что, как мне кажется, человечество изобрело только две утопии. Это утопия социализма, утопия XIX века, мы знаем судьбу этой утопии. А в XX веке утопия мира без войны. И в XXI веке мы знаем судьбу этой утопии, что тоже, по сути дела, она является утопией. Что родит человечество в XXI веке – давайте посмотрим.

Колесников. Искусственный интеллект. Второй ряд, Виктор Шнирельман.

Шнирельман. Я сразу скажу, что почти со всем, что сказано в этом докладе, представленном здесь, и с тем, что говорили наши уважаемые выступающие, я согласен. Но поскольку четверть века я занимаюсь вопросом исторической памяти и прочим...

Бордюгов. Войн и памяти.

Шнирельман. Я позволю себе остановиться на трех, пожалуй, пунктах. Потому что все же остаются очень сложные моменты, которые стоит обсуждать и об этом стоит подумать.

Первый момент. Вот вы говорите (и это широко принято у нас), историческая политика, которая проводится властью, идеология, которая стоит за этой политикой. Но из этого следует, по логике вещей, что есть какое-то монолитное представление о прошлом у власти. Искажённое, мифологическое, но все равно. Но его ведь нет.

И у Андрея в докладе, и у многих выступающих сегодня ведь звучало, что даже наш лидер сегодня говорит одно, завтра говорит другое. Это, так сказать, по вертикали, во времени. Но и по горизонтали. Мы видим, с одной стороны, у нас охраняются памятники Ленину, и мы выступаем против того, что на Украине их рушат, с другой стороны, у нас каждый год строятся памятники императорам, памятники царям. Мало того, мы говорим, что возвращается советская память. Но советская – это атеистическая. А у нас ставятся

памятники священникам. И посмотрите, какое место то же православие занимает в школьных учебниках по истории – большое место. То есть это не совсем советская память.

И это порождает вопросы: а что собственно происходит, о какой политике памяти мы говорим? Что движет нашими властями? Что это? Какие-то импульсивные катаклизмы? Или это шизофрения какая-то? Я все-таки не склонен думать, что это люди, которые плохо понимают историю и которые не знают. Значит, что-то там есть.

И вот в этом стоит разбираться все-таки, в мотивации. Потому что мне представляется, что вот эти внезапные какие-то исторические построения, которые возникают в головах у наших высших чиновников, – это реакция на то, что сегодня, сейчас произошло. Мы говорим о внешней политике, допустим. Произошло на мировой арене, и мы должны отреагировать, и мы тут же ищем какую-то аналогию в истории, причем интерпретируем ее соответствующим образом, чтобы отреагировать. Но завтра происходит что-то другое, и мы делаем совсем другое.

Вот это один вопрос – все-таки мотивация. Меня это очень интересует.

Второй вопрос. Опять же, вы говорите: «Какое прошлое нужно России?» Или взаимоотношения власти и общества. Но что такое Россия? Это нечто единое или это очень многообразное? А что такое общество?

Андрей тут говорил, и в докладе фигурируют два вида памяти. Я склонен думать, что у нас не два вида памяти, а гораздо больше, потому что наше общество сложное и по социальным моментам, и по этническим (то чем я занимаюсь). А это касается, кстати, и вопросов политики памяти, потому что делается она только за кремлевскими стенами или она делается еще где-то?

У нас же этнонациональные республики, и в республиках отношение к истории несколько иное, и там свое представление о том, что происходило в истории. Скажем, если в современных учебниках и в том дискурсе, о котором вы говорите, почти ничего не говорится уже сегодня о депортированных во время войны народах, то посмотрите, что делается в Чечне, в Ингушетии и т. д. Там ставятся памятники, там официально есть дни траура, и всё это помнится, и все это очень активно обсуждается. Но мало того, это касается... Здесь все упирается в XX век. Но я раздвигаю палитру пошире. Ведь есть и более раннее время. Ведь у нас немало народов, у которых та же государственность возникла раньше, чем государство Киевской Руси, и они это помнят. Или, скажем, история складывалась совершенно иначе.

Я приведу сейчас один очень интересный, на мой взгляд, пример. Как-то я был в Улан-Удэ на совещании учителей, где один молодой учитель, кстати, русский, встал и сказал: «А вот здесь, в Бурятии, зачем нам нужна история Киевской Руси, когда у нас здесь совсем другая история?» И, знаете, это непростой вопрос, здесь есть о чем подумать.

Так вот это второй вопрос или второй пункт, который я хочу обсудить, к вопросу об интерпретациях и о видении истории России и какая нам нужна история. Тут возникает вопрос, кому – нам?

И третий вопрос касается социологии. Я с большим уважением отношусь к нашим социологам, в том числе к «Левада-Центру», я их данные тоже всегда использую, но в последнее время у меня возникают вопросы.

Если, как мы уже знаем, у нас сегодня опять возникает двоемыслие, которое было в советское время, способна ли нынешняя социологическая методика уловить или как-то изучить вот этот вопрос, вопрос двоемыслия? Ведь те же социологи из «Левада-Центра» еще в прошлом году обнаружили, что люди стали бояться. Многие люди перестали откровенно отвечать так, как они отвечали 10, 15, 20 лет назад на вопросы социологов. А значит, возникает вопрос, насколько мы действительно можем доверять этим вещам. Но другого механизма или инструмента у нас нет, поэтому я тоже обращаюсь к данным «Левада-Центра». Здесь я хочу тоже озвучить какие-то вещи, которые не прозвучали в докладе, но они действительно интересные.

Во-первых, в прошлом году все-таки, по тем же данным «Левада-Центра», выяснилось, что в народе интерес к истории падает. Это первое.

Бордюгов. Это хорошо.

Шнирельман. Второй интересный вопрос. К вопросу о том, что мы обсуждаем здесь. Пропаганда, как она идет, механизмы пропаганды, как она транслируется. Конечно, телевидение в первую очередь, интернет уже на втором плане. Но, опять же, по данным социологов, рейтинг первых телеканалов, по которым идет все это, падает. Но растет рейтинг только у одного канала – и вы сейчас удивитесь – РЕН-ТВ, если кто знает, что это такое.

Бордюгов. Да.

Шнирельман. Большого искажения истории, большего упора на что угодно – на ксенофобию, расизм – невозможно придумать. Но рейтинг именно этого канала растет.

Вот тоже к вопросу о том, что делается в мозгах и как нам подходить к истории, и как нам задавать вопросы относительно исторической памяти, и стоит ли нам так уж все-таки говорить о какой-то единой исторической политике или стоит все-таки картинку как-то усложнить. На мой взгляд, стоит.

Спасибо.

Колесников. Спасибо. Очень важное замечание.

Дело в том, что, конечно же, есть масса нюансов. И вот эта война памяти между двумя типами памяти имеет внутри 50 и более оттенков серого, красного, коричневого и т. д. И, разумеется, нет писаной исторической политики, нет документа под названием «Основы государственной исторической политики». Но это не означает, что ее нет. Потому что вот эта fusion-идеология, где причудливо смешиваются и национализм с империализмом, и православная церковь в ее официальном изводе, и гордость за прибытие варягов, и отбытие украинцев в 2014 году из нашего Крыма, где Херсонес и все остальное, она существует как разлитая в воздухе, можно сказать. Невозможно ее унифицировать по пунктам, но все понимают, о чем более-менее идет речь.

Идеология у нас не может быть писаная, мы не при марксизме живем, но все понимают, за что собственно выступают Путин, и стоящий за его спиной Сталин, и стоящий за спиной Сталина Грозный, и так вплоть до прибытия Рюрика.

Но правда в том, что действительно здесь есть масса нюансов. И даже, допустим, как бы неофициальная память, в которой есть масса нюансов, потому что это семейная память, допустим, об участии членов семьи в Великой Отечественной войне, она иногда совершенно не контрпамять, она адаптируется к официозному представлению о Победе. И эти люди могут выпивать за своего деда, которому спасибо за Победу, абсолютно воспринимая вот эту ритуальную рамку, предложенную 9 мая этим режимом, и совершенно от нее не отклоняются.

Знаете, иногда мне кажется, что такое воплощение этой неписаной идеологии можно увидеть на некоторых джипах, особенно большого размера и черных, иностранного происхождения джипах, где наклеено бог знает что: и «Спасибо деду за Победу!», и георгиевская ленточка на нем висит, на антенне, и какая-то красная звезда на нем наклеена. Я вчера только видел такого. А еще написана какая-нибудь современная частушка, что-то типа «санкции там...»

Сванидзе. Особенно красиво, когда на мерседесе написано «На Берлин!»

Колесников. «На Берлин!», да. И современная есть повестка – отвечать матерной частушкой на санкции, что, мол, не дождетесь и т. д. Я не могу это воспроизвести, не потому что мат, а потому что не запомнил, но хорошая, такая жесткая.

Что касается социологии, этот вопрос возникает сейчас, когда любую социально-политическую тему начинаешь обсуждать. Мне уже кажется, что это вопрос веры на самом деле в то, что методологически тот же «Левада-Центр» правильно подходит к опросам или неправильно. Это остроконечники и тупоконечники. Я принадлежу – уже в меньшинстве, по-моему, – к тому лагерю либеральных экспертов, которые считают, что «Левада-Центр» все делает правильно и в соответствии с методиками.

Невозможно убедить людей, что выборка на самом деле 1 600, а не 900, как мне коллеги говорят. Невозможно убедить людей, что они не делают телефонных опросов. У них уже геотеги, они уже это делают с планшетов, все разбивается по всем социальным, гендерным группам, можно нюансировано всё это изучить. Невозможно убедить. Катю Шульман я не могу убедить в этом и не буду никогда этого делать. Если человек считает, что это все фигня... Или Гришу Юдина, молодой замечательный социолог, с которым мы делали доклад «Какое прошлое нужно будущему России?» Он делал замечательную социологическую часть, где все вот эти нюансы, о которых Вы говорите, есть: и краеведческие, исторические штудии(?)... На самом деле там масса интересного как раз в социологической части. Но не могу я его убедить в том, что... Это, правда, вопрос веры.

А то, что интерес к истории падает... Это падает интерес к рефлексии по поводу чего бы то ни было. Проще воспринимать плакат, картинку и жить в этом мейнстриме спокойно дальше.

Сванидзе. Вы говорите о рационализации исторического восприятия, а рационализации никакой нет. И не нужно ее ждать. Так же, как не нужно ждать от человека, что у него будет каким-то образом совмещаться то, что он ездит на мерседесе последней модели, и то, что у него написано «Можем повторить» или «На Берлин!» Если, попросить его

связать воедино, он не свяжет. И не нужно связывать. Тем не менее, у него на эмоциональном уровне, не на рациональном, это совершенно прекрасно связано. Прекрасно!

А как можно на рациональном уровне связать то, что и до революции было хорошо, и после революции стало хорошо? Потому что у нас в истории теперь всегда все было хорошо и всегда все было правильно, и до, и после, и до Октябрьского переворота, и после Октябрьского переворота. Как? Плохо было только в один период времени – в 90-е годы. Все остальные периоды были прекрасны. Нормально. Как это психологически связано между собой?

Подмигивают сразу во все стороны. Это нормально. Как Квачков на суде по поводу покушения на Чубайса. В одну сторону он подмигивал: «А вы докажите, что я покушался. Я не покушался». А в другую, своим сторонникам: «Ну конечно, ясное дело...»

Девушка одному поклоннику позволяет подавать пальто, а другому в этот момент улыбается. Спросите у нее, кто ей больше нравится. Кто ее знает, кто ей больше нравится... Оба.

И это нормально. На мой взгляд, рационализировать этот подход бессмысленно. И власть по-своему права, когда уходит от рационализации. Рационализация сразу сужает фронт поддержки. Сужает, как любая определенность. Если вы говорите что бы то ни было определенное, вы сразу теряете своих сторонников. Если вы говорите, что это белое, вы теряете сторонников, которые считают, что это черное. И всё. Поэтому лучше никак не характеризовать этот цвет.

Власть уходит в этом смысле от жестких определений и поэтому имеет достаточно широкую эмоциональную массовую поддержку. Эмоциональную! А логику здесь искать не приходится.

Бордюгов. Я в отличие от Николая Карловича ищу все-таки логику...

Сванидзе. Нет, мы-то обязаны это делать.

Бордюгов. Мы обязаны делать.

Мне действительно кажется, что, конечно, монолита нет в исторической политике. И часто это объясняется очень простыми вещами, потому что прошлое, историческая политика – это коммерческий продукт, и у кого ресурсы... Идет и борьба за ресурсы. И тот же единый учебник – это коммерческий проект, как потом оказывается. И установка памятника – это тоже коммерческий проект. Представьте, на Воробьевых горах сколько это стоит и кто распоряжается этими ресурсами.

А сложность вот в чем... «Что они там думают в Кремле?» – Вы говорите. Опять с чем привязать? К советскому проекту, успешному, между прочим, по сравнению с постсоветским проектом, который пока ничем не может похвастаться? Можно таким путем пойти. А они-то пошли другим путем. Они поднимаются над всем этим: над советским, над постсоветским, дореволюционным, имперским. То есть они поднимаются над строем, какой-то конкретной идеологией, привязанной к конкретному месту. То есть они как бы идентифицируют себя с тысячелетней историей. То есть вот какой ход у них в

исторической политике. Вот в чем опасность. Это очень узкогато для них – привязать... Нет, мы гораздо круче! И поэтому отсюда появляется священство, сакральность и т. д.

По поводу национального, этнического компонента и т. д. Наша ассоциация проводила в 1999 году, потом в 2009 году, и сейчас мы готовимся к 2018 году, мониторинг процесса создания национальных историй. Это очень сложный вопрос, очень серьезный. Когда мы берем только Россию... Мы брали всё постсоветское пространство. Если остановиться только на России, что обнаружилось? Когда было послабление, когда Ельцин не вмешивался в процесс истории, обнаружилось, что действительно очень много появилось учебников, книг, посвященных истории той или иной республики, той или иной автономии.

И что мы обнаружили, когда проводили мониторинг? Что там поперло другое, там этноцентризм расцвел во всей своей красе: мы древнее соседей, мы героичнее соседей, у нас больше культурных достижений и т. д. То есть там между соседями очень серьезное напряжение возникало именно на почве осмысления и преподнесения прошлого. Поэтому неслучайно в 2000 году к этому региональному, национально-автономному компоненту действительно ставка стала делаться на федеральный компонент, на федеральный учебник. То есть, пожалуйста, пусть существует история Чечни, но они должны знать историю России. Иначе произойдут очень странные вещи. И дело не только в том, что они не должны знать свою историю. Они понимают свою историю как более высокую, более интересную, более крутую, чем история соседей.

Все это опубликовано, мы смотрим на динамику. Сейчас в 2019 году мы издадим третью книгу. Это независимые историки, это не институции, поэтому здесь достаточно свободно идет анализ. Посмотрим, что за последние десять лет произошло, не только у нас, но и у армян, и у азербайджанцев, и в странах Балтии и т. д. Очень любопытные вещи, я думаю, мы обнаружим за последнее десятилетие.

А другие вот вещи... Кому интересно, читайте «Национальные истории на постсоветском пространстве». Там картина полностью представлена – и с использованием социологических замеров, и контент-анализа, и анкетирования, и глубокого интервьюирования. Там все способы. И для нас была интересна не только собственно историография, которая сейчас проигрывает везде, для нас было интересно и другое: как сначала национальную историю определяли национальные движения и их лидеры, то есть была явная национализация в самых худших проявлениях, затем эту инициативу перехватили политические элиты, и они до сих пор господствуют, а историография пока влачит, к сожалению, жалкое существование. Посмотрим, что произошло за последние десять лет.

Колесников. К сожалению, неожиданно совершенно так быстро время пролетело, так интересно всё. Вынуждены подходить к концу. Если у кого-то есть совсем важный вопрос или совсем важное замечание, пожалуйста. Если нет, нас ждет небольшой фуршет.

Я сейчас вспомнил, с чего я начал – со школьных учебников. Этим и хочу закончить и подчеркнуть еще раз их важность. Есть другой предмет...

Анна. Есть маленький вопрос, если можно. Анна *, Польские любители(?) печати(?). У меня маленький вопрос. Если историческая политика в России сегодня выглядит именно так, есть ли возможность диалога или хотя бы разговора с другими странами, например с Польшей, у которых тоже есть своя активная историческая политика сейчас?

Колесников. Я думаю, что с Польшей сейчас как раз идет вот эта внешняя война официальной памяти. И это одно из главных направлений сталинского удара по соседям. С другой стороны, конечно, в том изводе, в каком сейчас выглядит польская историческая политика при Качиньском и Дуде, польская сторона дает дополнительные поводы этому российскому имперско-националистическому дискурсу для того, чтобы проявить себя.

Бордюгов. Андрей правильно написал, если вы читали его статью перед дискуссией, о том, а кто должен вести этот диалог. Смотрите, российско-польская комиссия историков существует. Вы видите, как они ведут диалог. Это страшно. Российско-германская – тоже. Поэтому здесь очень многое зависит от конъюнктуры. А общественные институты – давайте попробуем. Но не те, которые будут обслуживать президента Дуду, а независимые.

Сванидзе. Еще совсем недавно «Мемориал», по-моему, в прошлом году издал замечательную книжку при очень большой поддержке польской стороны, о Катыни.

Бордюгов. Да, замечательная книга.

Сванидзе. Замечательную совершенно книгу. Сейчас, наверное, это было бы уже сильно затруднено. На самом деле нынешние исторические властные интерпретаторы, и польские, и российские нужны друг другу, конечно. Они друг другу помогают.

Колесников. Да, это точно.

Возвращаясь к теме учебников. Учебник по литературе есть, тоже за 11 класс, тоже взял в руки, он двухтомный. Один про более ранний период, другой про более поздний. Тот, который про более поздний и такой совсем советский период, там иллюстрация, картинка из «Тихого Дона», а внизу висит орден «За победу над Германией» с профилем Сталина. Ведь не придерешься, это не сталинизм пропагандируется. Но на самом деле он латентно пропагандируется.

Сванидзе. Конечно.

Колесников. И что ты с этим сделаешь? Вот на этой ноте пессимистической...

Бордюгов. Какой-то грустной, да.

Колесников. Ну, мы будем бороться за правильную историческую *.

Сванидзе. Назовем ее философической.

Колесников. Спасибо.